

3. *Steksova T. I.* Sintaksicheskiy status sochetaniya delo v tom, chto / T. I. Steksova // Asimetriya kak princip funkcionirovaniya jazykovykh edinic : sb. st. v chest' prof. T. A. Kolosovoj. — Novosibirsk, 2008.
4. *Cheremisina M. I.* Oчерки по теории slozhnogo predlozhenija / M. I. Cheremisina, T. A. Kolosova. — Novosibirsk : Nauka, 1987. — 197 s.
5. *Cheremisina M. I.* Oчерки slozhnogo predlozhenija / M. I. Cheremisina, T. A. Kolosova. — 2-e izd., ispr. i dop. — M. : LIBROKOM, 2010. — 226 s.
6. *Shvedova N. Ju.* Oчерки по sintaksisu razgovornoj rechi / N. Ju. Shvedova. — M. : Izd-vo AN SSSR, 1960. — 377 s.

СТЕКОВА Тетяна Іванівна

доктор філологічних наук, професор кафедри сучасної російської мови Новосибірського державного педагогічного університету; Новосибірськ, Росія;
e-mail: steksova@inbox.ru; тел.: +7 913 9498776

СЕМАНТИКА І ПРАГМАТИКА РОСІЙСЬКИХ ВИСЛОВЛЮВАНЬ ІЗ ЗВОРОТОМ *ЕСЛИ НА ТО ПОШЛО*

Анотація. У статті обговорюється проблема асиметричних пропозицій російської мови. На прикладі звороту *если на то пошло* розглядаються значення та умови його вживання. Зіставляються словникове тлумачення звороту та мовна практика. Відзначаються особливості його функціонування. Виявляється недостатність словникових дефініцій. За допомогою трансформації визначено можливі синонімічні заміни. Наводяться дані проведеного лінгвістичного експерименту, які підтверджують висновки авторки статті. Все це дозволяє визначити місце пропозицій з даним оборотом у системі російських пропозицій.

Ключові слова: асиметрична структура, семантика, прагматика, функціонування, мовленнєвий зворот *если на то пошло*.

Tatyana I. STEKSOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor of the Modern Russian at Novosibirsk State Pedagogical University;
Novosibirsk, Russia;
e-mail: steksova@inbox.ru; тел.: +7 913 9498776

THE SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE RUSSIAN UTTERANCES WITH THE USE *ЕСЛИ НА ТО ПОШЛО* (*IESLI NA TO POSHLO*)

Summary. The article discusses the problem of asymmetric sentences of the Russian language. On the example of turn of speech *если на то пошло* (*iesli na to poshlo*) the author considers values and conditions of its use. Verbal interpretation and speech practice is compared. Peculiarities of its functioning are marked. Failure in dictionary definitions is brought to light. With the help of transformation the synonymous substitution is examined. The data of linguistic experiment that confirms the conclusions of the author are made. It allows to define the place of sentences with this turn of speech in Russian.

Key words: asymmetric structure, semantics, pragmatics, operation, Russian speech turn *если на то пошло* (*iesli na to poshlo*).

Статтю отримано 28.01.2014 р.

УДК 811.161.1'373.74:82-6 Л. Толстой

ЕРЁМЕНКО Ирина Анатольевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Львовского национального университета имени Ивана Франко; Львов, Украина;
e-mail: gazheva-inna@rambler.ru; тел.: +38(032)2336578; моб.: +38-0975890073

ФРАЗЕОТВОРЧЕСТВО Л. ТОЛСТОГО КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЕГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ИДИОСТИЛЯ

Аннотация. Фразеотворчество Л. Толстого представляет собой составляющую его эпистолярного идиостиля. Среди индивидуально-авторских фразеобразований Л. Н. Толстого особое место занимает камерная фразеология. Она формируется в связи с потребностями момента. Последний возникает в ходе развития определенной ситуации и отражает целую нравственно-психологическую картину. Камерная фразеология выступает стилистически выразительным средством. Представляет собой при этом «абсолютное сгущение мысли», она вбирает в себя социально-этические наблюдения и выводы писателя. Статья посвящена статусу камерной фразеологии в современной лингвистике. Особое внимание уделяется механизму её образования. Кроме того, в статье определено её место, значение и функции в эпистолярном идиостиле Л. Толстого.

Ключевые слова: фразеологическая единица, камерная фразеология, идиостиль, эпистолярный.

Изучение фразеологии писем Л. Н. Толстого во всём её многообразии и полноте даёт возможность воссоздать своеобразие авторского фразеопотребления: определить характер отношения мастера к языковому материалу, пути и способы его живого обращения в речи.

Фразеологический запас языка служил писателю не только готовым материалом, «образным сырьём», подвергшимся творческой обработке, но также и образцом его собственной работы над словом. Фразеотворчество — неотъемлемая часть языкового своеобразия эпистолярного наследия Л. Н. Толстого. Индивидуальные фразеологические новообразования — это созданные автором и поэтому лишённые (в большинстве случаев) регулярного употребления образования «с нерегулярной

формально-смысловой организацией, проистекающей из цельнообразного переосмысления их компонентного состава» [7, с. 136]. Они являются единицами речи и отличаются «творимостью» в том или ином речевом акте, что и позволяет называть их «индивидуальными» или «речевыми». Данные образования формируются в конкретном тексте, не входят, как правило, в систему языка и соответственно не фиксируются словарями. Однако в силу своей образности и выразительности, данные речевые формулы обычно выступают как яркое стилистическое средство текста, отличаясь при этом высокой информативностью, подчёркивая и заостряя авторскую мысль.

Индивидуально-авторские идиомы в исследуемых текстах представлены совершенно особым, уникальным явлением фразеотворчества писателя — «камерной фразеологией», функционирующей в его частной (семейно-бытовой) переписке.

Термин **камерная фразеология** впервые употребил и ввел в научный обиход В. Л. Архангельский [1, с. 133]. Некоторые замечания по данному вопросу имеются в работах Л. И. Ройзензона [9, с. 247]. В его терминологии это «индивидуальные» или «индивидуально-авторские» ФЕ, то есть такие обороты, которые созданы и устойчиво употребляются только одним человеком [9, с. 253] или небольшим коллективом, ограниченной группой людей.

Исследуя механизм возникновения камерной фразеологии, мы отчасти основываемся на теории внутренней речи (внутреннего монолога) литературных персонажей произведений Л. Н. Толстого, сформулированной акад. В. В. Виноградовым [3, с. 180]. Первые шаги в разработке именно данной проблемы предприняты А. П. Рудневым [10, с. 78], который исследует это явление на материале фразеологии семьи Л. Н. Толстого.

Под камерной фразеологией мы понимаем устойчивые, воспроизводимые словесные комплексы, которые возникают и функционируют в замкнутой сфере узкого круга общения (семья, родственники, друзья и т. д.). В каждой семье люди связаны общими интересами, семейными традициями, единым культурным укладом. И в ней могут бытовать на протяжении многих лет устойчивые выражения, наименования, понятные и принятые только здесь, в данной семье. Эти выражения становятся ФЕ именно в камерном, интимном употреблении, воспринимаются в субъективном, переосмысленном виде, совсем иначе, чем они могут быть употреблены в общепринятом речевом контексте.

В большой семье Л. Н. Толстого на протяжении долгого времени складывались специфические устойчивые выражения, обусловленные многими сложными взаимоотношениями. Эти обороты, созданные одним человеком «автором», путём многократного повторения (использования) в его разговорной и письменной речи становились достоянием членов семьи писателя, проникали в их речь, стабилизировались и закреплялись в словаре каждого из них. Эта подлинно фамильная фразеология помогает лучше узнать семью Толстого, его самого с точки зрения её быта, уклада, взглядов и интересов. Она является выражением интеллектуальной, духовной атмосферы семьи, центром которой была титаническая фигура Льва Толстого. В ряде других случаев эта фразеология выражает интимные частные понятия [10, с. 76].

То или иное явление действительности, чем-либо поразившее Толстого, часто обобщалось им и наделялось символикой, а само словесное обозначение его становилось «толстовскими» поговорками и выражениями, понятными лишь знающим те ситуации, из которых они возникли. Писатель охотно разрабатывает те сложные, разнообразные и тонкие семантические возможности, которые кроются в формах интимного, семейного понимания с полуслова.

Бесспорно и то, что любое слово живёт в нашем сознании не только со всеми его значениями. Оно, с одной стороны, непременно вызывает ещё и целый круг ассоциаций, отражающих реальные связи объективного мира, а с другой — в сознании писателя (как и любого человека с художественным восприятием реальной действительности) возникают образные ассоциации, которые и лежат в основе большей части речевых, окказиональных ФЕ [5, с. 11], в том числе и камерных. Тем более, что данные авторские фразеологические образования как раз и выступают окказиональными оборотами, то есть созданными по случаю и являющимися «характерными поговорками» писателя, но не ставшими достоянием общего литературного языка [2, с. 58], так как «окказиональность есть известная степень незаданности речевого факта системой языка, что создаёт определённую степень неожиданности такого факта для языковой системы [13, с. 246].

Компоненты камерного фразеологизма реализуют потенциальную неисчерпаемость смысла слова и его модификаций в зависимости от конкретной ситуации, порождающей данную сочетаемость слов. Поскольку камерная фразеология полна индивидуальных своеобразий, непосредственно понятных только в данном психологическом контексте. Индивидуальный смысл, накладываемый на слова случайными экспрессивными ассоциациями, нейтрализует их привычные лексические значения.

Смысловая индивидуализация при образовании «камерных фразеологизмов» ведёт к их изоляции, к их «непонятности» для другого лица, для посторонних. Смысл слов в данных сочетаниях несоизмерим с кругом их значений и применений во внешней речи. «Камерная фразеология» сродни внутренней речи, речи для себя и «своего» круга, она не предназначена для широкого, всеобщего сообщения — разъяснения. Поэтому она готова замкнуться в рамках индивидуального диалекта, не подчиниться логическим нормам общего языка. Это своего рода алогический «эгоцентрический» продукт индивидуальной речевой деятельности определенного человека, группы лиц, ограниченного коллектива [3, с. 182]. Отсюда семантическая «закрытость», высокая степень своеобразной смысловой «арготичности» таких сочетаний в плане их восприятия посторонними людьми, не знакомыми предварительно с их специфическим значением.

Рассмотрим ряд ситуаций, проясняющих механизм возникновения и последующего функционирования таких речевых формул.

Так, например, фразу «*архитектор виноват*» произнёс маленький Илья Львович Толстой, когда, получив к рождественским праздникам красивую чашку, разбил её, зацепившись за высокий порог. Он как-то слышал, что старшие осуждали архитектора за сделанный порог. Лев Николаевич, всегда внимательно наблюдавший за детьми, подмечает в сыне желание обвинить другого человека в своём промахе, и добродушно посмеивается (!) над ним. С тех пор поговорка: «архитектор виноват» осталась в семье Толстых. И каждый раз, когда кто-либо из членов семьи в своих ошибках и промахах винил другого человека или случайность, то ему тут же с хитрой улыбочкой напоминали, что, вероятно, «*архитектор виноват*» [11, с. 111]. Ещё один пример. Однажды во время урока французского языка в комнату к детям вошёл Лев Толстой. Он наклонился над диктовкой дочери Татьяны. Заметив, что она закрывает чернильницу всякий раз, как обмакивает в неё перо, он спросил о причине такого действия. В ответ услышал: «*Чернила испаряются*». Лев Николаевич выразил удивление, но ничего не ответил. Однако в следующий раз, когда дочь привела такое же нелепое и неправдивое объяснение своему поведению, он тихо проговорил: «Да, *чернила испаряются*» [11, с. 111].

Смысл данных речевых формул узнаётся не по прямым или переносным словарным значениям, составляющим их структуру, а по символическому отношению этих слов к той конкретной ситуации, которая нашла в них отражение. Образуется сложная система экспрессивно-символических «тропов», переносных форм изображения [3, с. 192]. В «полном» понимании этих форм речи играют роль не столько общие для всех лексические значения слов, сколько их интимно-кружковое экспрессивное окружение. Общие лексические значения слов «перекрываются» и вытесняются индивидуально-символическими понятиями.

Как видим, связь между лексическими значениями слов и их экспрессивно-символическим применением в той или иной ситуации — причина их смысловой доступности лишь очень узкому, в данном случае, семейному кругу.

Вся «камерная фразеология» Толстого формируется в связи с потребностями момента, возникающего в ходе развития определённой (чаще всего) бытовой ситуации, передавая характеризующие её понятия, оценки. Иначе говоря, естественность речевого общения порождает подобные образования, полные смысла и изобразительной неповторимости. Со временем, прочно закрепляясь в устной речевой практике семьи Л. Н. Толстого и ближайшего окружения, они находят своё применение в текстах писем в качестве яркого, выразительного стилистического средства, вбирая в себя глубокие социально-этические обобщения и наблюдения писателя. Их употребление в том или ином контексте — это уже последующая реализация закреплённой (в устной форме общения) «минимальной» устойчивости и воспроизводимости. «Камерная фразеология» выполняет при этом функцию достижения экономичности выражения, т. е. компрессии мысли, языковой экономии. Целая нравственно-психологическая ситуация отражается в соответствующем «камерном» образовании, представляя собой «абсолютное сгущение мысли» [3, с. 182].

Данным авторским речевым формулам, как и узуальным ФЕ, свойственна идиоматичность, всегда сопряжённая с наличием образной мотивировки. Специфика их идиоматичности состоит в том, что это свойство проявляется лишь в особых единичных контекстах, служащих указательным минимумом. Соответствующие контексты неповторимы в силу того, что они несут на себе печать индивидуального творчества, как и возникающие в них образные обороты.

«Камерная фразеология» фиксируется нами лишь в письмах Толстого к членам семьи, самым близким родственникам и друзьям. Она чётко ориентирована на адресата, подготовленного к её восприятию. Неизбежность декодирования этих выражений в общении с «непосвящёнными» лицами каждый раз разрушала бы образный и эмоционально-экспрессивный эффект их употребления. Такая фразеология в частно-бытовой переписке Толстого представлена лишь отдельными образованиями, но их специфические особенности очень явственны, так как они в известной степени могут служить мерилем художественности и выразительности языка писателя.

Фразеологические выражения, употреблявшиеся в семье Толстых, как и любое устойчивое языковое сочетание, можно классифицировать с различных точек зрения. Наибольший интерес представляют следующие положения: выявить состав камерной фразеологии, нашедшей отражение на страницах толстовских писем; установить семантику и выяснить окказиональный генезис.

По семантическому признаку рассматриваемые выражения можно разделить на несколько групп, первая из которых: условные, семейные обозначения соответствующих реалий домашней обстановки (модель *имя прилагательное + имя существительное*: «вырезушечная перегородка», «пироговский диванчик», «тетенькина шифоньерка»).

Обратимся к страницам толстовских писем: «Особенно интересует состояние духа мама. Что она, не хандрит ли за *вырезушечной перегородкой*, что и как рассуждает о будущем» (т. 61, с. 63). «Вырезушечная перегородка» отделяла часть комнаты, занимаемой Л. А. Берс, от так называемой «маленькой гостиной», в которой любила проводить вечера берсовская молодёжь.

«Не знаю почему, но ничего не доставляет мне такого удовольствия, как сознание того, что вы в Ясном, ... и я иначе вас себе не представляю, как в вашей комнате во флигеле, на «*пироговском диванчике*», за вашим любимым столиком, рядом с шифоньеркой, в которой всё есть. — «Когда у нас нет, что нам нужно, мы с Николенькой говорили: *нет тетенькиной шифоньерки*» — (т. 67, с. 58).

«Пироговский диванчик» и «тетенькина шифоньерка» — это условные обозначения предметов обстановки дома Толстых. Правда, во втором случае происходит отступление от чисто номинативной

функции данного «камерного фразеологизма». Его семантика значительно расширяется и метафоризируется. Перед нами редкий и зафиксированный в единичном варианте случай пояснения содержания «камерного» образования текстом авторского письма.

Это объясняется, очевидно, двумя основными причинами: во-первых, этот фразеологизм необходим в условиях данного контекста как одна из условных яснополянских реалий, о которых идёт речь. Следовательно, Толстому крайне важно его употребление именно в этом случае. Во-вторых, не исключено, что данное выражение не имело столь широкого хождения в семье Толстого, как некоторые другие условные обозначения домашней обстановки, и поэтому могло быть неизвестно Т. А. Кузминской, в письме к которой и даётся его расшифровка. Этот оборот мог более или менее активно использоваться в лексиконе только двух братьев — Льва и Николая, о чём и говорится в письме.

Данные обороты, органически вплетаясь в ткань авторского текста, подчёркивают его повествовательную непринуждённость, общий эмоциональный настрой писателя, «взаимопонятность» между корреспондентами того, о чём идёт речь, что в целом усиливает доверительность и контактность между Толстым и его адресатом (функция «интимизации» повествования).

Вторая группа толстовских «камерных» образований представлена единицами с семантическим обозначением нравственно-бытовых, социальных и психологических оценок соответствующих явлений действительности. Их, как и сочетания первой группы, можно считать окказиональными образованиями.

Особое место в этой подгруппе занимает камерный фразеологизм «*анковский пирог*», употреблённый в различных текстах писем семейно-бытового характера 5 раз. И это не случайно. Обратимся к семантике этого выражения. Почему формы жизни, которым придают главное значение, получили название «анковский пирог», <...> не говоря уже о странном эпитете «анковский» [6, с. 70]. «Анковский пирог» — традиционный пирог в доме Толстых, подававшийся в исключительных случаях: в большие праздники или при «хороших» гостях. Устойчивое выражение «*анковский пирог*» применялось как символ барского, дворянского благополучия, сытости и могло воспроизводиться по различному поводу, хотя в целом сохраняло постоянный контекст. Это выражение произошло от фамилии хорошего знакомого семей Берсов и Толстых профессора-медика Н. Б. Анке, сообщившего им рецепт приготовления пирога. Значение этой словесной формулы объясняет Сергей Львович Толстой: «Для отца *Анковский пирог* служил эмблемой особого мировоззрения, которое трудно сформулировать одним словом. Анковский пирог — это домовитость, и семейная традиционность, и — говоря современным языком — буржуазный уклад жизни, и вера в необходимость материального благополучия, и непреклонное убеждение в незыблемости современного строя» [12, с. 12]. Таким образом, для Л. Н. Толстого этот *анковский пирог* имел иносказательное значение. Борьба против *анковского пирога* — это мировоззренческая сущность жизни и деятельности великого писателя. Отсюда и столь активное его использование в толстовских корреспонденциях.

Данный «камерный фразеологизм» писателя отличается высокой степенью семантического обобщения, широтой охвата соответствующего явления действительности, что так свойственно природе общеязыковых ФЕ. Трудно найти в узуальной фразеологии устойчивую единицу, семантически адекватно соотносимую с данным авторским образованием. Возможно, что и появление в словаре Толстого камерных фразеологизмов (во всяком случае многих из них) связано со своеобразным восполнением отсутствующих ФЕ с аналогичными или подобными значениями. Иными словами, индивидуальные образования истинного мастера слова способны ярко, оригинально выразить такие тонкие, глубокие оттенки смысла и всестороннего обобщения, которые бессильны передать узуальные ФЕ. Это, собственно, и оправдывает их появление в авторском тексте.

Сочетание *арзамасский ужас* появилось после того, как писатель, ночуя в гостинице Арзамаса, испытал приступ тоски и ужаса, связанный с мыслями о смерти [4, с. 110]. Оно стало символом смятенного и катастрофического душевного состояния. В конце августа 1869 года Лев Николаевич отправился в Пензенскую губернию, чтобы осмотреть продававшееся там имение. 4 сентября он писал с дороги Софье Андреевне: «Что с тобой и детьми? Не случилось ли что? Я второй день мучаюсь беспокойством. Третьего дня я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, я устал страшно, хотелось спать, и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такой, какого я никогда не испытывал» — (т. 83, с. 168). *Арзамасский ужас* был только наивысшей точкой того тяжёлого душевного состояния, в котором жил с середины 1869 г. Толстой. И вызвано оно было не переутомлением, как считают иногда, а напряжёнными мыслями о том, что делать дальше.

Рассмотрим окказиональную семантику ещё двух камерных образований. Первое из них — «*времена долгополого сюртука*» (структура: им. сущ. + словосочетание (прилагательное и сущ.) — своеобразный символ, скорее всего, внешней упрощённости деревенского образа жизни, столь далёкого от дворянско-снобистских условностей города и высших социальных слоёв. Это и обязательный крестьянский труд, без которого Толстой не представлял себе жизни в деревне. Второй фразеологизм представлен в виде сочетания английских слов «some more», что обозначает «*т.е. ещё*». Эта фраза, выражающая одобрение и желание получить ещё, завелась в семье Толстых после того, как маленький Лев Львович после причастия сказал в церкви «please some more» (пожалуйста, ещё немного). Подобные выражения оказываются тесно связанными с речевой ситуацией, возникают из неё, выступают в качестве эмоционально-экспрессивного образования.

подавляющее большинство примеров камерной фразеологии Л. Н. Толстого имеет «единичное употребление» [14, с. 97], то есть прослеживаются они в текстах писем один раз. И лишь некоторые из рассматриваемых образований (такие, например, как *анковский пирог*, *муаровый жилет*)

приобретают «минимальную воспроизводимость» [14, с. 98], то есть неоднократно употребляются в ряде текстов Лев Толстого. При этом хотелось бы отметить следующую особенность. Выделяя единичное употребление в качестве наиболее характерной степени воспроизводимости большинства «камерных фразеологизмов» писателя, мы имеем в виду их адекватную фиксацию в исследуемых текстах. Что же касается жизнеспособности этих оборотов в контексте всего творчества Толстого, а также его речевой (устной) практики общения и речи целого ряда лиц, связанных с ним семейными узами, а также отношениями дружбы и сотрудничества, то уже на уровне макроконтраста данные образования будут обладать достаточно устойчивой воспроизводимостью. Об этом свидетельствуют богатые мемуарные и литературно-исследовательские материалы о жизни писателя и его семейном окружении (Сухотина-Толстая, Кузминская).

Исследования А. П. Руднева доказывают использование семейной фразеологии Толстых в ряде художественных произведений писателя. А Н. П. Пузин замечает по этому поводу: «Во многих творениях Толстого пробивается автобиографическая струя, с чем неизменно сплетались семейные предания» [8, с. 34].

Возникновение камерной фразеологии — это своеобразный элемент творчества писателя, направленный на создание новых устойчивых формул, совершенствующих и расширяющих собой семантико-структурные разновидности фразеологии современного русского языка. Отличаясь «творимостью» в том или ином речевом акте, большинство из них являются целиком новообразованиями автора, и лишь единичные камерные фразеологизмы создаются по аналогии с уже существующими в узусе.

Семантика данных образований писателя отличается глубиной обобщения, неоднозначностью и многоаспектностью смысловых оттенков, отражённых в их значении. Отличительная черта этих речевых формул — прочная связь с широким контекстом всего творчества Л. Н. Толстого. Само их значение уникально, единично и неповторимо, результат осмысления писателем определённой ситуации, факта объективной действительности. Поэтому момент их возникновения и форма воплощения — явление непредсказуемое.

Литература

1. *Архангельский В. Л.* Омонимические соответствия устойчивых фраз и свободных предложений / В. Л. Архангельский // Вопросы истории и теории русского языка. — Тула: Тул. ГПИ им. Л. Н. Толстого, 1990. — Вып. 3. — С. 39–74.
2. *Бабкин А. М.* Лексикографическая разработка русской фразеологии / А. М. Бабкин. — М.: Наука, 1994. — 263 с.
3. *Виноградов В. В.* О языке Толстого (50–60-е гг.) / В. В. Виноградов // Литературное наследство. — М.: Изд-во АН СССР, 1939. — Т. 35–36 / В. В. Виноградов. — С. 196–201.
4. *Гусев Н. Н.* Два года с Толстым / Н. Н. Гусев. — М.: Худ. лит., 1973. — 463 с.
5. *Зуева Р. С.* Наблюдения над речевыми словосочетаниями / Р. С. Зуева // Русское языкознание. — Алма-Ата, 1991. — Вып. 2. — С. 24–36.
6. *Литературное наследство.* Т. 69, кн. 2. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 527 с.
7. *Петрова С. И.* Окказиональное фразообразование / С. И. Петрова // Сборник научных трудов / Моск. пед. ин-т иностр. яз. — М., 1984. — Вып. 232. — С. 136–150.
8. *Пузин Н. П.* Дом-музей Л. Н. Толстого в Ясной Поляне / Н. П. Пузин. — М.: Планета, 1986. — 143 с.
9. *Ройзензон Л. И.* Об одном аспекте конфронтации фразеологизма и слова / Л. И. Ройзензон // Труды Самаркандского государственного университета. Вопросы фразеологии. — Самарканд, 1976. — Вып. 178. — С. 248–255.
10. *Ройзензон Л. И.* О понятии «камерная фразеология» (на материале семьи Л. Н. Толстого) / Л. И. Ройзензон // Проблемы русской фразеологии: респ. сб. — Тула, 1979. — С. 75–82.
11. *Сухотина-Толстая Т. Л.* Воспоминания / Т. Л. Сухотина-Толстая; [сост. А. И. Шифман]. — М.: Худ. лит., 1981. — 525 с. — (Литературные мемуары).
12. *Толстой С. Л.* Очерки былого / С. Л. Толстой. — 3-е изд., испр. и доп. — Тула: Приокское кн. изд-во, 1965. — 512 с.
13. *Ханпира Э. И.* Окказиональные элементы в современной речи / Э. И. Ханпира // Стилистические исследования: на материале современного русского языка. — М.: Наука, 1989. — С. 245–317.
14. *Чиркова Е. К.* О критериях отграничения окказиональных слов от новых слов литературного языка / Е. К. Чиркова // Современная русская диалектология. — Ленинград: Наука, 1985. — С. 91–101.

References

1. *Arhangelskiy V. L.* Omonimicheskie sootvetstviya ustoychiviyh fraz i svobodnyih predlozheniy / V. L. Arhangelskiy // Voprosy istorii i teorii russkogo yazyika. — Tula: Tul'skiy GPI im. L. N. Tolstogo, 1990. — Vyip. 3. — S. 39–74.
2. *Babkin A. M.* Leksikograficheskaya razrabotka russkoy frazeologii / A. M. Babkin. — M.: Nauka, 1994. — 263 s.
3. *Vinogradov V. V.* O yazyike Tolstogo (50–60 gg.) / V. V. Vinogradov // Literaturnoe nasledstvo. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1939. — T. 35–36 / V. V. Vinogradov. — S. 196–201.
4. *Gusev N. N.* Dva goda s Tolstyim / N. N. Gusev — M.: Hud. lit., 1973. — 463 s.
5. *Zueva R. S.* Nablyudeniya nad rechevymi slovosochetaniyami / R. S. Zueva // Russkoe yazyikoznanie. — Alma-Ata, 1991. — Vyip. 2. — S. 24–36.
6. *Literaturnoe nasledstvo.* T. 69, kn. 2. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. — 527 s.
7. *Petrova S. I.* Okkazionalnoe frazeobrazovanie / S. I. Petrova // Sbornik nauchnyh trudov / Mosk. ped. in-t inostr. yaz. M., 1984. — Vyip. 232. — S. 136–150.
8. *Puzin N. P.* Dom-muzey L. N. Tolstogo v Yasnoy Polyane / N. P. Puzin. — M.: Planeta, 1986. — 143 s.
9. *Royzenzon L. I.* Ob odnom aspekte konfrontatsii frazeologizma i slova / L. I. Royzenzon // Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta. Voprosy frazeologii. — Samarkand, 1976. — Vyip. 178. — S. 248–255.
10. *Royzenzon L. I.* O ponyatii «kamernaya frazeologiya» (na materiale sem'i L. N. Tolstogo) / L. I. Royzenzon // Problemy russkoy frazeologii: resp. sb. — Tula, 1979. — S. 75–82.
11. *Suhotina-Tolstaya T. L.* Vospominaniya / T. L. Suhotina-Tolstaya; [sost. A. I. Shifman]. — M.: Hud. lit., 1981. — 525 s. — (Literaturnye memuary).
12. *Tolstoy S. L.* Ocherki byilogo / S. L. Tolstoy. — 3-e izd., ispr. i dop. — Tula: Priokskoe kn. izd-vo, 1965. — 512 s.
13. *Hanpira E. I.* Okkazionalnye elementy v sovremennoy rechi / E. I. Hanpira // Stilicheskie issledovaniya: na materiale sovr. rus. yaz. — M.: Nauka, 1989. — S. 245–317.
14. *Chirkova E. K.* O kriteriyah otgranicheniya okkazionalnyh slov ot novyih slov literaturnogo yazyika / E. K. Chirkova // Sovremennaya russkaya dialektologiya. — Leningrad: Nauka, 1985. — S. 91–101.

БРЕМЕНКО Ірина Анатоліївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської філології Львівського національного університету імені Івана Франка; Львів, Україна;
e-mail: кафедра@rambler.ru; тел.: +38(032)23365; моб.: +38-0975890073

ФРАЗЕОТВОРЧИСТЬ Л. ТОЛСТОГО ЯК СКЛАДОВА ЙОГО ЕПІСТОЛЯРНОГО ІДІОСТИЛЮ

Анотація. Фразеотворчість Л. Толстого є складовою його епістолярного ідіостилю. Серед індивідуально-авторських фразеотворень Л. М. Толстого особливе значення має камерна фразеологія. Вона формується у зв'язку з потребами моменту. Останній виникає в ході розвитку певної ситуації та відображає цілу морально-психологічну картину. Камерна фразеологія виступає стилістично-виразним засобом. Представляючи собою при цьому «абсолютне згущення думки», вона вбирає в себе соціально-етичні спостереження й висновки письменника. Стаття присвячена статусу камерної фразеології в сучасній лінгвістиці. Особлива увага приділяється механізму її утворення. Крім того, у статті визначено її місце, значення і функції в епістолярному ідіостилі Л. Толстого.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, камерна фразеологія, ідіостиль, епістолярій.

Ірина А. YEREMENKO,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Philology Department of Ivan Franko National University of Lviv; Lviv, Ukraine;
e-mail: кафедра@rambler.ru; tel.: +38(032)2336578; моб.: +38-0962148357

THE DERIVATION OF PHRASEOLOGISMUS OF LEO TOLSTOY AS A PART OF HIS EPISTOLARY INDIVIDUAL STYLE

Summary. The derivation of phraseologisms of Leo Tolstoy is a part of his epistolary individual style. The chamber phraseology occupies a special place among the individual formations of Leo Tolstoy. It is formed in connection with the needs of the moment, which arises in the course of some situation and reflects the whole moral-psychological picture. Chamber phraseology appears as a stylistical and expressive means. Representing an «absolute concentration» of thought, it takes up as social and ethical observations and conclusions of the writer. The article is devoted to the status of the chamber phraseology in modern linguistics. Particular attention is paid to the mechanisms of its formation. In addition, the author reveals its place, role, and function in the epistolary individual style of Leo Tolstoy.

Key words: phraseological unit, chamber phraseology, individual style, epistolary.

Статтю отримано 25.02.2014 р.